DOI: 10.31857/S032103910002915-9

В.В. СТРУВЕ И ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ (к истории концепции социальной революции в древнем Египте)

В. Г. Ананьев¹, М. Д. Бухарин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: v.ananев@spbu.ru ² E-mail: michabucha@gmail.com

В статье представлена стенограмма устного выступления крупнейшего отечественного востоковеда первой половины XX в. В.В. Струве «Музей Древнего Востока в социологическом освещении» на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Института истории искусств 16 июня 1925 г., в котором Струве ведет полемику о принципах музейной работы при обращении к древневосточному материалу. Авторы реконструируют контекст, в котором оно было составлено. Это выступление, в котором была сформулирована идея о социальных революциях в древнем Египте, предшествует наиболее ранним печатным выступлениям Струве с идеей социальной революции в древнем Египте. Оно ставится в контекст развития советского востоковедения первой половины 1920-х годов, в частности полемики В.В. Струве с С.Я. Лурье по данному вопросу.

Ключевые слова: востоковедение, В.В. Струве, С.Я. Лурье, музеи, архивы, древний Египет, социальная революция

V.V. STRUVE AND THE INSTITUTE OF THE HISTORY OF ARTS (Towards the history of the hypothesis of social revolution in Ancient Egypt)

Vitaliy G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: v.ananев@spbu.ru ² E-mail: michabucha@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project No. 18-18-00367

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института философии СПбГУ; Михаил Дмитриевич Бухарин – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»).

The article presents the text of an oral communication of the leading Soviet Orientalist of the first half of the twentieth century, V.V. Struve, “Museum of Ancient Orient in Sociological Relation”, held at the session of the Museum Section of the Committee of Sociological Study of Art of the Institute of the History of Art on 16 June 1925. Struve discusses the principles of the Museums’ activity in using Ancient Oriental material. This communication dates earlier than his printed publications in which Struve put forward the idea of social revolutions in Ancient Egypt. It is set in the context of the development of Soviet Oriental studies, and connected in particular with the debate between V.V. Struve and S.Ya. Luria on this matter.

Keywords: Oriental studies, V.V. Struve, S.Ya. Luria, museums, archives, ancient Egypt, social revolution

Изыскания В.В. Струве о социальной революции
будут очень удобны и ценны в книге,
но в музее... им нет места.

Ф.И. Шмит

Василий Васильевич Струве (1889–1965) — безусловно, наиболее влиятельная фигура в советском востоковедении первой половины XX в. и одна из наиболее значимых в отечественной исторической науке в целом. И содержание предложенных им научных концепций, и обстоятельства их формирования в общем социокультурном контексте эпохи продолжают вызывать пристальный интерес исследователей¹. Вместе с тем не все стороны его научной биографии изучены достаточно хорошо. В частности, практически не привлекали внимания исследователей его связи с Государственным Эрмитажем и Институтом истории искусств — двумя чрезвычайно значимыми интеллектуальными центрами Петрограда — Ленинграда 1920-х годов, с которыми Струве был самым непосредственным и тесным образом связан в начальный период своей научной деятельности. Публикуемый ниже документ (выступление В.В. Струве на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Института истории искусств), ранее также не привлекавший внимания исследователей и лишь однажды частично использованный нами в более ранней публикации², позволяет несколько приблизиться к заполнению данной лакуны. Он, однако, нуждается в контекстуализации.

Сотрудником Института истории искусств (далее — Институт), основанного графом В.П. Зубовым в его же собственном особняке на Исаакиевской площади в 1912 г. по образцу одноименного немецкого института во Флоренции, с тем чтобы стать первым в России «центром для изучения истории искусств в точном значении этого понятия»³, Струве оказался, вероятно, благодаря О.Ф. Вальдгауеру⁴. Не беремся утверждать вслед за Е.В. Мавлеевым,

¹ Krikh 2016; 2017.

² Ananiev 2011.

³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Д. 5214. Л. 1.

⁴ Об истории Института см. Serpan 2003; о закрытии Института см. обстоятельное исследование Кутман 2014, 8–128. История отношений Струве и Вальдгауера пока не может быть реконструирована ввиду недостатка источников. Их переписка (если она, конечно, велась) в научный оборот не введена. В архивном фонде Вальдгауера (Архив ГЭ. Ф. 6) сохранилось всего два письма Струве, датированных 1929 г., т.е. периодом

что они были «давнишними приятелями»⁵, но определенно хорошо знали друг друга по совместной работе в Эрмитаже.

Вальдгауер еще в 1904 г. стал там кандидатом на классную должность, с 1913 г. был хранителем, а с 1918 г. — заведующим Отделения (Отдела) древностей⁶. Струве же, с 1914 г. начав работу в Отделении классического Востока, в 1918 г. стал ассистентом Отдела древностей, а в 1919 г. — помощником хранителя Отделения Древнего Востока⁷. В связи с отсутствием самого хранителя, В.С. Голенищева, еще в 1915 г. уехавшего в Египет⁸, Струве в том же январе 1919 г. был избран временно исполняющим обязанности хранителя⁹, а с 1920 г. и хранителем Отделения, получившего теперь наименование Отделения классического Востока¹⁰. Таким образом, с 1914 г. они работали не только в одном музее, научный штат которого тогда был не так уж и велик, но и фактически в одном его структурном подразделении.

С Институтом Вальдгауер, как и сам Zubov, бывший выпускником немецкого университета, был связан с самого момента его основания. Он входил в число ученых, читавших здесь лекции уже в первый год существования Института. Впоследствии, вспоминая «друзей, сплотившихся вокруг меня в этот первый год», Zubov одним из первых назовет именно его имя. В своих написанных и изданных уже в эмиграции мемуарах он будет вспоминать: «Молодой тогда археолог немецкой школы Оскар Фердинандович Вальдгауэр, казавшийся предназначенным для большой научной будущности и слишком рано умерший, истощенный лишениями революционных годов, — он читал по-немецки историю греческой скульптуры»¹¹. Читением одного только лекционного курса сотрудничество Вальдгауера с Институтом не ограничилось. В 1918 г. он стал там профессором, а вскоре возглавил его Разряд истории изобразительного искусства. Во главе этого структурного подразделения он оставался практически десять лет, вплоть до начала разгрома Института партийно-бюрократической машиной тоталитарного государства в конце 1920 — начале 1930-х годов.

Стремясь сформировать жизнеспособный научный коллектив, а также, что было не менее важно в условиях жесточайшего экономического кризиса первых послереволюционных лет, стараясь поддержать материально своих коллег по Эрмитажу и студентов, ряд из них Вальдгауер, вероятно, привлек к работе в Институте. В этот период здесь служили или учились (разницу между тем и другим для молодых людей в Институте понять иногда бывало достаточно сложно) Н.Д. Флиттнер, М.И. Максимова, П.Н. Шульц, А.А. Передольская, М.Э. Матье, словом, почти весь состав эрмитажного Отдела древностей.

Об интеллектуальном контексте этой работы будет сказано ниже, а для понимания материального измерения ее показательно, например,

более поздним, чем рассматриваемый. Фонд Струве, переданный в СПбФ АРАН, не описан и недоступен для исследователей.

⁵ Mavleev 2005, 34.

⁶ Kachalina, Marishkina, Yakovleva 2004, 31.

⁷ Kachalina, Marishkina, Yakovleva 2004, 142.

⁸ Kachalina, Marishkina, Yakovleva 2004, 53.

⁹ Piotrovskiy 2001, 294.

¹⁰ Kachalina, Marishkina, Yakovleva 2004, 142.

¹¹ Zubov 2004, 96–97.

состоявшееся 20 августа 1919 г. собрание сотрудников Института, получавших ученый паек. На нем ученые, многие из которых уже приобрели благодаря своим трудам европейскую известность, распределяли одежду (!). В итоге, О.Ф. Вальдгауер и В.В. Струве получили по костюму, В.А. Головань и В.Н. Ракинт обзавелись обувью, а Л.А. Мацулевичу и Д.А. Шмидту досталось белье¹².

Работа Струве в Институте, как следует из единственного печатного отчета о его деятельности, а также сохранившихся в фонде Института делопроизводственных материалов, развивалась по нескольким направлениям. Первым было, конечно же, учебное. В 1918–1919 учебном году он начинает свое сотрудничество с Институтом с чтения курса лекций «Археология Древнего Востока» по Отделу древнего и дальневосточного искусства, на котором еще не уехавший в эмиграцию М.И. Ростовцев читает лекции на тему «История античной декоративной живописи», О.Ф. Вальдгауер — «Введение в историю античной пластики» и «Развитие стилей в вазовой живописи», а также ведет практические занятия для начинающих, М.И. Максимова разбирает «Культурные древности Греции», а молодой востоковед С.Г. Елисеев преподает «Историю китайской живописи»¹³.

В ходе масштабных перевыборов всего профессорского состава, прошедших здесь весной 1919 г., Струве был избран профессором Института. Перевыборы эти связаны были с увеличением числа профессур по предметам истории изобразительного искусства, и тогда же профессорами Института стали Б.В. Фармаковский, С.Г. Елисеев, И.А. Орбели, Н.Э. Радлов, И.И. Лапшин, И.И. Жарновский и Л.А. Мацулевич. Тогда же Струве включился в административную работу Института, став секретарем его Совета и членом Правления, выделенного из состава Совета «для решения и направления текущих и неотложных дел»¹⁴. В апреле 1920 г. он был старшим архивариусом Института¹⁵.

Занимая кафедру археологии Древнего Востока (другое название, встречающееся в источниках, кафедра искусства классического Востока), Струве в июне того же 1919 г. разработал программу лекций и практических занятий, охватывавших материал Египта, Месопотамии, Сирии, Малой Азии, Персии и Финикии¹⁶. В 1919–1920 учебном году он читал лекции на тему «Искусство и археология Месопотамии», вел семинарий «Развитие архитектурных форм египетского храма» и просеминарий, предполагавший практические занятия на памятниках Эрмитажа. В следующем 1920–1921 учебном году, сохранив тематику просеминария¹⁷, в качестве лекционного курса Струве заявил «Историю египетского искусства», а для семинария выбрал тему «Скульптура Сумира». В 1921–1922 учебном году лекций, судя по всему, он уже не читал, а семинарии вел по темам «Виньетки Книги мертвых» и «Скульптура Среднего царства». Первая тема сохранилась и на следующий

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 35. Л. 71–71 об.

¹³ *Kratkiy otchet* 2012, 193, 220.

¹⁴ *Kratkiy otchet* 2012, 193.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 82. Л. 34.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

учебный год, и к ней добавился еще просеминарий, посвященный разбору надписей на памятниках¹⁸.

Характерной чертой учебного процесса в Институте была его тесная связь с научной деятельностью сотрудников. Неслучайно в 1921 г. за Институтом официально был признан статус научно-учебного учреждения¹⁹. В этой связи «Виньетки Книги мертвых» в 1922 г. были закреплены за Струве как тема плановой научной работы. А в плане работ на 1924 г. по кафедре искусства классического Востока Струве и Флиттнер при помощи М.Э. Матье и В.А. Николаевой должны были составлять специальный каталог памятников египетской скульптуры в петербургских собраниях²⁰. Сами слушатели Института также должны были вести самостоятельную научную деятельность под руководством преподавателей. Струве давал отзыв на конкурсную работу будущего сотрудника Эрмитажа В.А. Николаевой «Статуя вельможи Рамзеса II писца Аменеминта из Эрмитажного собрания и развитие типа коленопреклоненной статуи в Египте»²¹, а также руководил в 1920 г. работой О.Л. Капенечкой на тему «О происхождении ионической колонны»²².

Еще одним направлением работы Института была просветительская деятельность, находившая отражение среди прочего в чтении публичных лекций. Здесь надо отметить, что с точки зрения методики преподавания истории искусства Институт был одним из безусловных пионеров в России, с самого начала своей деятельности уделявшим большое внимание наглядности обучения и использованию новейших достижений техники. Волшебный фонарь и обширное собрание диапозитивов позволяли сопровождать рассказ о произведениях искусства качественным показом, что не всегда было возможно даже в университетских аудиториях тогдашней России. Показательно, например, что в ноябре 1925 г. Струве, уже выйдя из числа членов Института, обратился к правлению с просьбой разрешить ему пользоваться институтскими диапозитивами для чтения лекций по культуре Египта в Ленинградском университете²³. Там подобной коллекции не было. Чтение публичных лекций в обязательном порядке сопровождалось показом иллюстраций (часть которых сохранилась в архивном фонде Института как приложение к протоколам). В том случае, если возможности подготовить иллюстрации к сроку не было, доклад переносился на более поздний срок. Так было, например, с докладом А.Э. Пандера «Сарептская вдовица Ланфранко в Гатчине», перенесенным с 20 марта на 3 апреля 1919 г. «из-за невозможности изготовить к сроку фотографический снимок»²⁴. Доклад состоялся только 10 апреля²⁵.

Струве несколько раз выступал с докладами на таких открытых заседаниях: 16 января 1919 г. он сделал доклад на тему «Эрмитажная стела Харемхаба и эпоха Телль-Амарны»²⁶, 6 марта того же года — «Ионийская капитель

¹⁸ *Kratkiy otchet* 2012, 221–223.

¹⁹ *Kratkiy otchet* 2012, 198.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 115. Л. 50 об.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 65. Л. 47.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 76. Л. 8–8 об.

²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 3. Д. 14. Л. 37 об. Разрешение было дано.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 20 об.

²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 25–25 об. Л. 26–26а — фотоснимки.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 3–5.

и герб верхнего Египта», а 16 сентября 1920 г. — «Египет и I Вавилонская династия». Первый из докладов был напечатан во втором выпуске «Ежегодника Российского института истории искусств» в 1922 г.²⁷

Таким образом, с 1918 по 1924 г. Струве был достаточно тесно связан с Институтом, принимая участие в его учебной, научной, просветительной и издательской деятельности. В тяжелых условиях послереволюционной разрухи, Гражданской войны, военного коммунизма и общей неустроенности быта Петрограда сложно переоценить значение этого центра не только (а возможно, и не столько) для экономического положения ученых, сколько для их психологического состояния. Институт позволял заниматься любимым делом, сохранить квалификацию, общаться с коллегами и единомышленниками, передавать знания молодым поколениям ученых и обсуждать результаты научных исследований.

Сложно сказать, что именно заставило ученого покинуть Институт. Возможно, конфликт его директора и основателя с руководством Эрмитажа по вопросу о перемещении ценностей из пригородных дворцов-музеев²⁸. Тогда (в июне 1922 г.) из числа членов института вышли, например, А.Н. Бенуа и Л.А. Мазулевич, хотя самый яркий сторонник изъятия пригородных антиков, Вальдгауер, работу в Институте продолжил. Возможно, изменение нагрузки в Университете, связанное с проведенным в 1925 г. преобразованием ФОНа (Факультета общественных наук) в Ямфак (факультет языкознания и материальной культуры). В любом случае, вероятно, с конца 1924 — начала 1925 г. Струве в Институте уже не работал, но полностью связей с ним не порвал и, как следует из публикуемого ниже документа, как минимум еще один раз выступил с докладом в «пышном доме графа Зубова» (как в одном из стихотворений назвал особняк на Исаакиевской площади Георгий Иванов). Это выступление на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Института²⁹, состоявшееся в июне 1925 г., безусловно, также было связано с фигурой Вальдгауера.

Как вспоминали впоследствии участники этих заседаний, Музейная секция возникла «в тесном кругу единомышленников и учеников О.Ф. Вальдгауера»³⁰, который и стал ее председателем. На первом заседании президиума секции, 7 января 1925 г., он кратко обрисовал программу планируемых работ: «Новая общественная обстановка требует новых приемов музейного строительства, новых методов в экспозиции материала, при каковой должен быть учтен социологический момент. Применение социологических принципов в музейном деле требует осторожности и внимания и обязывает к предварительной основательной проработке этих вопросов. Поставленная на очередь проблема не может быть решена исходя из теоретических предпосылок, она требует практического изучения наличного музейного материала; в процессе практического изучения будут оформлены и теоретические положения. Приступая к последовательной, плановой разработке вопросов

²⁷ К сожалению, не все издательские планы Института были реализованы. Так, например, как следует из делопроизводственных материалов Института, в одном из последующих выпусков этого издания планировалось издать материалы экспедиций С.Ф. Ольденбурга.

²⁸ Ismagulova 2003.

²⁹ О соцкоме и обстоятельствах его создания см. Kumpan 2009.

³⁰ АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 91 об.

применения социологического метода в музейном деле, музейная секция РИИИ³¹ ставит ближайшей задачей изучение того опыта, который накоплен в музейном деле за годы Революции и тех ростков новых форм музейного дела, которые имеются налицо»³².

В конце 1925 г. при разработке производственной программы на 1926 г. один из активных участников работы секции — художник, специалист в области музейного дела и реставрации М.В. Фармаковский — так описывал пройденный за год путь и дальнейшие перспективы: «Секция начала с вопросов организации центральных музеев быта (историко-бытовой отдел), далее перешла к частным музеям быта, городским и пригородным. От одного из пригородов — Гатчины — Секция делает сейчас вполне естественный переход к центральным художественным музеям, чтобы далее перейти к частным художественным музеям или музеям специального назначения (театральный, музыкальный музей и пр.). Далее не менее логичным будет переход к областным и провинциальным местным музеям»³³.

Доклад Струве был прочитан 16 июня 1925 г. на седьмом открытом заседании Музейной секции. В повестку дня того же заседания был включен доклад Н.Д. Флиттнер «Проект перепланировки зала классического Востока в Государственном Эрмитаже», однако он был снят с повестки «по предложению директора Эрмитажа»³⁴. Более того, как отметил П.Н. Шульц (секретарь секции), информация о заседании даже не была вывешена на доске объявлений Эрмитажа, несмотря на его письменное заявление. Напряженность в отношениях между музеем и Институтом явно сохранялась. Бурная дискуссия привела к принятию секцией резолюции следующего содержания: «Заслушав сообщение председателя Музейной секции о том, что (доклад. — *Авт.*) Н.Д. Флиттнер по предложению директора Эрмитажа снят с повестки дня, Музейная секция постановила: поручить Ф.И. Шмиту³⁵ переговорить с директором Эрмитажа, выяснить причины снятия доклада и настоять на прочтении доклада на ближайшем заседании секции; председателю Музейной секции О.Ф. Вальдгауеру выразить порицание за данное директору Эрмитажа согласие снять доклад»³⁶.

Нам уже не раз приходилось писать о различных аспектах деятельности секции³⁷, поэтому не будем останавливаться на них подробно. Отметим лишь, что участие (пусть и окказиональное) в ее работе Струве не кажется чем-то совершенно случайным. Конечно, он был сотрудником музея, но, как ни странно, автоматически это обстоятельство не гарантировало его заинтересованности собственно в музейной работе. Вплоть до середины XX в. достаточно широко распространенным было представление о том, что базовая задача музейного сотрудника заключается в проведении научного исследования, продвижении профильной для музея дисциплины или обеспечении конкретным материалом отвечающих за его анализ и синтез «мандаринов»

³¹ Российского института истории искусств.

³² АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 51.

³³ АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. № 219. Л. 105.

³⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

³⁵ Директору института, который сменил собиравшегося покинуть Советскую Россию В.П. Зубова.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 28. Л. 37 об.

³⁷ Ananiev 2011; 2012.

академического и университетского мира³⁸. Вероятно, именно такую модель профессиональной самоидентификации можно видеть в деятельности другого видного представителя российского востоковедения, Я.И. Смирнова, также в начале XX в. служившего в Эрмитаже. Струве же, помимо каталогизации и изучения фондового материала, принимал активное участие в экспозиционной деятельности музея. Он входил в число создателей одной из первых послереволюционных выставок Эрмитажа — «Заупокойный культ древнего Египта», — открывшейся в 1919 г.³⁹ В Архиве Государственного Эрмитажа сохранилась подготовленная им записка об экспозиции древнего Египта, датируемая 1931 г.⁴⁰ Таким образом, у него был определенный опыт специфически музейной деятельности.

Вероятно, были и определенные предпосылки к осмыслению им исторических феноменов в рамках того социологического подхода, который в середине 1920-х годов начинает все активнее насаждаться господствующим дискурсом, но пока еще все же не сводится к вульгарному социологизаторству начала 1930-х годов. До «социалистической реконструкции Эрмитажа», провозглашенной Б.В. Леграном, тогдашним директором музея, в 1934 г., было еще почти десять лет. Возможным оказывалось ограничиться приемами, которые, вероятно, не шли совсем уж вразрез с профессиональными установками ученого.

Струве был учеником не только отечественных востоковедов, но и Адольфа Эрмана, у которого в Берлине стажировался несколько месяцев 1914 г. Как отмечает Я. Бажант, социальный и политический детерминизм на рубеже XIX—XX вв. был вполне характерен для немецкого понимания искусства и находил отражение в концепциях немецких историков и искусствоведов⁴¹. Эрман же был не только профессором Берлинского университета, но и директором египетского и ассирийского отделений Королевских музеев Берлина⁴². Показательно, что именно в работах Эрмана 1912 и 1919 гг. была разработана идея социального переворота в древнем Египте, причем на материале тех же источников, хотя и относимых к иному историческому периоду. Струве, однако, отстаивал независимость своих рассуждений от мнения А. Эрмана⁴³. Не склонный к мистицизму немецкий исследователь принадлежал к позитивистскому направлению в науке и большое внимание уделял популяризации знания. Как отмечает С. Маршан, он был одним из первых, кто стал проявлять пристальный и постоянный интерес к повседневной жизни, религии и материальной культуре древних египтян⁴⁴. Конечно, интерес к религии Египта был характерен и для школы Тураева, который сам был глубоко религиозным человеком⁴⁵. О религиозности Струве нам ничего не известно. Но, возможно, именно немецкая стажировка могла хотя бы отчасти подготовить Струве к тем требованиям, которые спустя более десяти лет начнут предъявляться к историописанию в Советской России.

³⁸ См. классический в этом отношении пример: Washburn 1967, 43–48.

³⁹ Struve 1919.

⁴⁰ Kachalina, Marishkina, Yakovleva 2004, 143.

⁴¹ Bazant 1993, 93.

⁴² Marchand 2009, 204.

⁴³ Ilyin-Tomich 1919, 37–39.

⁴⁴ Marchand 2009, 206.

⁴⁵ Tunkina, Frolov 1993, 192–199.

Сам Струве рассматривал себя как ученика и продолжателя дела Б.А. Тураева (хотя в этом вопросе скорее все же выдавал желаемое за действительное)⁴⁶.

Струве известен как сторонник концепции рабовладельческой формации на Древнем Востоке. Однако эта концепция сложилась далеко не сразу. Ученый указывал и на феодальный характер древневосточных обществ (концепция Э. Мейера, разделявшаяся Н.М. Никольским — одним из главных оппонентов Струве), говорил (в самом начале 1930-х годов) и о существовании на Востоке особого «азиатского способа производства»⁴⁷. Впервые концепция рабовладельческой формации на Древнем Востоке была сформулирована Струве в 1934 г.⁴⁸ В дальнейшем он полагал, что эта концепция свойственна не только ему лично, но разделяется всем советским востоковедением (концепция феодального развития Древнего Востока осталась за бортом советской историографии⁴⁹).

Струве полагал, что термин «Древний Восток» — совершенно условный и всего лишь определяет типологическое единство стран, лежавших некогда на восток от Римской империи, что история Древнего Востока представляет собой историю древнейших классовых обществ и что «никакой пропасти между “западом” и “востоком” не существует»⁵⁰.

Основой для построения концепции рабовладельческой формации на Древнем Востоке послужила для Струве история Месопотамии, в частности особенности шумерского храмового землевладения при III династии Ура. В этом аспекте работы Струве были одним из краеугольных камней в формировании так называемой пятичленной теории формаций, второй из которых была рабовладельческая, свойственная как Древнему Востоку, так и античному миру. Согласно концепции Струве, и восточные, и так называемые западные (европейские) общества проходили в целом одни и те же степени развития.

Тем не менее Струве признавал определенные отличия в типологии рабства древневосточного и античного: на Древнем Востоке рабство было преимущественно «домашнее», количество рабов было относительно невелико, и их труд не проник во все сферы хозяйственной деятельности, а производство носило в основном натуральный характер. Для древневосточных обществ в целом Струве выделял такие характерные черты, как пережитки

⁴⁶ Подробнее см. Krikh 2018b.

⁴⁷ Подробнее см. Vassoevich 1998, 26–62.

⁴⁸ Struve 1934, 32–111, 157–181. С.Б. Крих, анализируя методику примирения теории рабовладения как основы древневосточного общества с основными положениями работ К. Маркса и Ф. Энгельса, указывает на то, что в период работы Струве над этой концепцией «пришли в науку и представители нового поколения, такие как В.И. Авдиев и А.В. Мишулин, ассоциирующие древний мир исключительно с рабовладением», ссылаясь при этом на публикацию Авдиева за 1942 г. (Krikh 2012, 154).

Справедливости ради стоит отметить, что В.И. Авдиев определенно опередил Струве в разработке этой концепции. Струве сделал доклад в ГАИМК 4 июня 1933 г., тогда как неопубликованная статья В.И. Авдиева «Элементы древневосточного общества» (АРАН. Ф. 1782 Оп. 1. Д. 37) датирована 6 мая 1933 г. В ней недвусмысленно критикуется теория господства феодализма на Древнем Востоке, а в качестве основы общества рассматриваются пережитки родового строя в сочетании с элементами рабовладения.

⁴⁹ О причинах см. подробнее Krikh 2018a, 13–22.

⁵⁰ Struve 1941, 3.

первобытнообщинного строя, сохранение сельской общины, застойность, медлительность в общественном развитии, стойкость общинных форм собственности на землю, деспотизм царской власти⁵¹.

Концепция Струве в целом утвердилась к концу 1930-х годов, однако нельзя сказать, что она была свободна от критики со стороны востоковедов. Н.М. Никольский, А.И. Тюменев, И.М. Дьяконов, И.М. Лурье в разное время вступали в полемику со Струве⁵², указывая на слабые места в его слишком общих построениях. В 1970-е годы рассуждения Струве по частным вопросам земледелия и землевладения в Шумере уже не выглядели актуальными. Концептуальные противоречия в его построениях анализируются и в настоящее время⁵³.

Однако с учетом того внимания, которое в современной историографии уделяется социальной истории науки, безусловно, особый интерес представляют не только итоговые выводы ученого, но и механизмы, обстоятельства и условия их конструирования в конкретной ситуации сложного взаимодействия различных дискурсивных полей. В этом смысле публикуемый ниже документ также может представлять определенный интерес, особенно в сравнении с более ранним «музейным» текстом Струве — путеводителем по упоминавшейся выше выставке 1919 г. В путеводителе, солидаризуясь со знаменитым высказыванием Б.А. Тураева о том, что «в этой жизни египтянин главным образом готовился к тому, чтобы не умереть несмотря на смерть», Струве именно заупокойный культ считал «ключом к пониманию всей египетской культуры»⁵⁴. Причем рассматривал его Струве практически вне социально-экономического контекста. Более того, определенный циклизм, имплицитно фиксируемый ученым в египетской истории, приводил его к выводам относительно того, что «в лучших же людях народа Египта эта безнадежность вечности заупокойного культа приводила к одухотворенному, свободному от материализма пониманию судьбы блаженных»⁵⁵.

Понимание заупокойного культа как центрального элемента древнеегипетской культуры было вполне традиционной для дореволюционной науки точкой зрения, прочно укоренившейся не только в академическом, но и в просветительском дискурсе. Показательный пример в данном отношении — один из музейных экспериментов А.В. Бакушинского, видного отечественного искусствоведа и выдающегося новатора в области музейно-экскурсионной работы. В статье 1916 г. он описывает свой недавний опыт организации в Музее изящных искусств имени императора Александра III экскурсии «повторительно-обобщенного типа» для учеников второго класса реального училища, целью которой было повторение и завершение курса по истории Египта. Выбирая конкретную тему для экскурсии, которая могла бы суммировать всю специфику египетской культуры, Бакушинский предлагает кажущуюся странной для детского внимания тему — «Как у египтян совершалось погребение» — и отмечает: «В египетском отделе любого из исторических музеев преобладающее большинство памятников связано

⁵¹ Struve 1941, 5–7.

⁵² Krikh 2016, 1015–1017.

⁵³ Zakharov 2008, 20–23.

⁵⁴ Struve 1919, 6–7.

⁵⁵ Struve 1919, 46.

с культом мертвых и погребальными обрядами. И объединить изучение музейных памятников обозначенной выше темой мне казалось наиболее целесообразным»⁵⁶.

В докладе 1925 г. на заседании Музейной секции, публикуемом ниже, Струве также подчеркивает значение элементов погребального обряда для понимания истории Древнего Востока — египетских надгробных плит, но рассматривает их уже в совершенно ином контексте. По его словам, «египетские надгробные плиты воспроизводят все стороны общественной жизни. Надгробная плита может иллюстрировать денежные ресурсы и вкус бедняка и богача. Их нетрудно разбить на группы по классовому признаку». Таким образом, здесь смещение акцентов осуществляется в сторону раскрытия «социального смысла» представленных памятников и выявления «социальной революции»⁵⁷, происходившей в Египте эпохи между Средним и Новым царством. Социальная проблематика в связи с религиозными верованиями станет предметом специальной работы Струве, опубликованной в 1926 г.,⁵⁸ в которой и были развиты положения выступления Струве (кризис стабильной государственности как причина кризисов в мировоззрении и, как следствие, социальных революций). В ней автор вводит такое понятие, как «социальная революция», хотя и не дает еще его детальной трактовки⁵⁹.

Как отмечает А.А. Ильин-Томич, сам Струве писал в 1935 г., что пришел к мысли о социальном перевороте в истории древнего Египта еще в 1919 г., когда «читал в Петрограде доклад на эту тему по поручению Государственного института истории искусств в зале Дервиз»⁶⁰. Исследователь обратился к опубликованным источникам и обнаружил упоминания о двух выступлениях Струве, сделанных в Институте в 1919 г. Нами в фонде Института были обнаружены протоколы тех открытых заседаний Совета Института (16 января и 6 марта 1919 г.), на которых выступал Струве⁶¹. Один из них (заседания 16 января) содержит также краткое обсуждение доклада, в котором приняли участие Б.А. Тураев и А.В. Шмидт. Оба протокола, фиксирующие доклады Струве, содержат краткое их изложение с незначительной правкой. Оба доклада построены на формальном анализе конкретных памятников, что полностью соответствует ранним исследовательским установкам Института. Как писал впоследствии основатель Института В.П. Зубов, «одним из упреков, выдвинутых против меня со стороны коммунистов, было, что я в науке и преподавании не следовал марксизму. Честно говоря, могу утверждать, что не понимаю и не знаю, как это в отношении истории искусств можно делать. Те, кто утверждают, что они проводят марксизм в нашей науке, лишь выкидывают акробатические фокусы и не искренни»⁶². Если учесть, что на обоих заседаниях председательствовал именно он, можно смело утверждать,

⁵⁶ Bakushinskiy 1981, 93.

⁵⁷ Истории «одного из ключевых элементов в построениях Струве — идеи о социальном перевороте в древнем Египте» недавно была посвящена специальная статья А.А. Ильина-Томича (Ilyin-Tomich 2016, 35–47).

⁵⁸ Struve 1926, 14–16.

⁵⁹ Struve 1926, 28.

⁶⁰ Подробнее см. Ilyin-Tomich 2016, 37.

⁶¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 3–5, 13–14 об.

⁶² Zubov 2004, 140.

что «социальный переворот» не только не находился в центре озвучиваемых построений Струве, но и не упоминался вовсе.

В цитированном выше утверждении Струве есть и еще одно противоречие. Он утверждает, что делал свой доклад по поручению Института в «зале Дервиз». Вероятно, под таковым имеется в виду помещение особняка фон Дервиза на Галерной улице, 11, где в начале XX в. располагался «Дом интермедий» В.Э. Мейерхольда. Это здание никогда к Институту не относилось, зато как раз на рубеже 1910–1920-х годов ему было передано соседнее здание — особняк графини Паскевич, расположенный по адресу: Галерная, 7. Вплоть до 1922 г. там размещались институтские курсы, на которых Струве и вел занятия. Открытые заседания Совета проходили в самом особняке графа Зубова, недалеко от Галерной — на Исаакиевской площади, 5. Именно этот адрес указан в рассылавшихся повестках⁶³.

Можно, однако, утверждать, что выступление в стенах Института истории искусств в июне 1925 г. явилось не первым свидетельством разработки Струве теории социальной революции. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде Н.Е. Ончукова хранится документ «Возражения и дополнения к докладу С.Я. Лурье “Социальная революция в древнем Египте”» с дарственной надписью на первой странице: «Профессору Николаю Евгеньевичу Анчукову от В. Струве (24 страницы рукописи)»⁶⁴. «Возражения и дополнения...» представляют собой законченную статью, определенно не опубликованную ранее в ее исходном виде. Текст датирован 5 января 1925 г.

Данный архивный документ интересен в следующих отношениях: первому печатному появлению концепции социальной революции в древнем Египте предшествовала длительная дискуссия. К сожалению, Струве не указывает, где и когда С.Я. Лурье сделал сообщение, найти сам доклад Лурье тоже пока не удалось. Издание данного текста Струве требует отдельной публикации, вкратце же суть его возражений сводится к следующему.

С.Я. Лурье сделал доклад «Социальная революция в Египте» на основе Лейденского папируса № 344, содержащего «Речи мудреца Ипувера» и Эрмитажного папируса № 1116В recto, содержащего предсказания пророка Ноффереху. Струве объясняет необходимость возражения С.Я. Лурье не только тем, что «до некоторой степени имеет право считать себя египтологом», но главным образом тем, что оба эти текста исключительно трудны для интерпретации, а он всесторонне изучил их в семинарии вместе со своими слушателями⁶⁵. С самого начала дискуссии, суть которой относится к чистой египтологии, Струве использует термины «революционные потрясения» и «социальная революция»: «Можно предположить, что словами “То, что сказал Ипувер и т.д.”, начинается новый самостоятельный памятник, который был прицеплен переписчиком к предшествующему тексту вследствие сходности содержания. Подобное предположение тем более вероятно, что содержание текста, предшествующее указанной лакуне, посвящено описанию

⁶³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 3, 13.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–14 об. Струве написал фамилию с ошибкой: Ончуков, Николай Евгеньевич (1872–1942) — археолог, этнограф, профессор Ленинградского университета в 1924–1930 гг. Научная деятельность прервана репрессиям.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–1 об.

конечного благополучия Египта после революционных потрясений. Текст же, следующий за словами “то, что сказал Ипувер” и т.д., снова описывает смуту и разруху в стране. Если в виду этого мое предположение окажется приемлемым, то мы получили бы еще один текст, повествующий о египетской социальной революции»⁶⁶.

Далее Струве переходит к обсуждению беспомощности С.Я. Лурье как египтолога, не способного работать с первоисточниками. Для хронологии развития его собственных концепций важным представляется следующее замечание: «Уже весной 1917 г.⁶⁷ мне стало очевидным, что Лейденский папирус № 344 гесто сохранил нам свидетельство о социальной революции, потрясшей Египет на рубеже Среднего и Нового царств. Отклики этой революции я полагал найти и в нашем эрмитажном папирусе № 1116В. В том же 1917 г. моя работа об этом египетском социальном перевороте была в общем готова. Мой покойный учитель академик Тураев по существу согласился с результатами моей работы. Б.А. оказал мне честь, приняв эти результаты в своей прекрасной книге “Древний Египет” (Изд. “Огни”, Петроград, 1922 г.), стр. 70 сл. Здесь мы читаем: “Вообще время после XII дин<астии> было одним из самых бедственных в Египте... Политические писания ближайшей эпохи вспоминают о нем, как о времени необычайного социального переворота, великих потрясений и безысходной гражданской скорби о гибели родины... Эти памятники... взаимно дополняют друг друга и воспроизводят перед нами черты социального переворота, когда все перевернуто вверх дном, когда засилие черни грозит культуре, когда страна отрезана от внешнего мира и испытывает полное оскудение во всем необходимом”»⁶⁸.

Таким образом, Струве полагает, что тексты, в которых развивается данная тематика, не единичны, а манера ведения дискуссии показывает, что для Струве данная тематика — дело привычное, во всяком случае, в советском востоковедении вполне утвердившееся. Документ из фонда РГАЛИ представляет собой тот источниковедческий контекст, в котором развивались исторические штудии Струве и оттачивался категориальный аппарат советской историографии, приведший — в значительной степени усилиями того же Струве — к формированию учения о пяти формациях.

Далее Струве говорит о причинах, по которым идея социального переворота не получила немедленного отражения в печати: «Я к сожалению не смог напечатать моей работы о социальной революции в Египте, хотя и ссылаюсь на нее в двух напечатанных мною статьях⁶⁹. Я успел лишь прочесть в 1919 г. публичный доклад на тему “Социальная революция в древнем Египте”⁷⁰. Впоследствии⁷¹ я узнал, что мой покойный товарищ проф<ессор>

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 1 об.

⁶⁷ Напрашивается мысль, что развитие идеи о социальном перевороте в древнем Египте весной 1917 г. было вызвано событиями конца февраля — начала марта 1917 г. в Петрограде.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 7 об.—8.

⁶⁹ Здесь Струве на л. 13 рукописи дает ссылку: «1) Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики, стр. 26, пр. 3 и 2) Записки коллегии востоковедов I, 1925, стр. 224, пр. 1.»

⁷⁰ Здесь также на л. 13 дано примечание: «Эта лекция была тогда мною прочитана по поручению Рос<сийского> И<нститу>та Ист<ории> Искусств».

⁷¹ Так в рукописи.

Новороссийского университета А.Л. Коцейковский пришел к тому же толкованию Лейденского папируса № 344, что и я. Свои наблюдения А.Л. напечатал в одном из периодических органов Одессы. Когда мы стали получать заграничную литературу, я мог констатировать, что и Ad. Erman, глава современных египтологов, сделал почти те же выводы из названного Лейденского папируса»⁷².

Далее Струве касается различий датировки «социального переворота» в построениях Эрмана, Тураева и своих собственных и говорит о российских и иностранных коллегах, которые в начале 1920-х годов пришли к выводу о социальной революции, происшедшей в древнем Египте. Нельзя, однако, не отметить существенной разницы в терминологии: Б.А. Тураев оперирует понятием «социальный переворот», наделяя его резко негативным содержанием (приход черни к власти, кризис культуры, оскудение страны); менее конкретен Эрман, использующий термин „Unwaltung“, однако и он говорит о вытеснении общим варварством того класса, который создал культуру в Египте. Струве же говорит о революции, используя термин, актуальный именно в период после событий 1917 г.

Затем В.В. Струве переключается на критику построений С.Я. Лурье, который в противовес консенсусу египтологов отрицал историчность Лейденского папируса и видел в нем лишь отражение народных праздников. Важность точного владения терминологией для Струве видна в следующем пассаже: «Восклицание С.Я. по поводу этого обогащения бедняков: “что же это за революция, когда собственность не уничтожается, а переходит от богатого к бедному!” — доказывает лишь полную и безнадежную путаницу терминологии у докладчика. Ведь речь идет о “социальной” революции, а не о “социалистической” революции»⁷³.

Ближе к завершению «Возражений и дополнений...» Струве переходит к поиску аналогий «социальному перевороту, столь детально описанным Лейденским папирусом» в истории других древневосточных обществ.

В задачу авторов не входит разбор египтологических построений Струве, отраженных в возражениях на выступления С.Я. Лурье и в докладе в Институте истории искусств, с точки зрения современной науки. Публикация и контекстуализация последнего имеют ценность прежде всего для исследования развития музейной деятельности в этот же период, а во вторую очередь для анализа развития раннесоветской историографии, а именно — истории формирования идеи о социальной революции на Древнем Востоке.

Существенный интерес, именно в контексте скорее музееведческих, чем востоковедных исследований, представляет также развернувшаяся вокруг доклада дискуссия, которая фактически свелась к обсуждению целесообразности и оправданности использования в музее копий и воспроизведений наряду с подлинными памятниками. Являясь средством выстраивания последовательного непротиворечивого нарратива, копиянные материалы активно начинают использоваться после утверждения за музеями статуса образовательных учреждений. Особенно значимыми они оказываются, когда целью музея становится транслировать четко определенный

⁷² РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 8. Далее (л. 13) Струве ссылается на работу Эрмана в *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften* 1919, 815.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 158. Л. 12.

“master narrative”, заданный авторизованным властным дискурсом. В Советской России рубежным в этом отношении станет Всероссийский музейный съезд 1930 г., призвавший отказаться от «безыдейного вещизма» и открывший так называемый «фанерный период» в истории экспозиционной деятельности. Публикуемый ниже текст демонстрирует отношение к проблеме подлинник—копия в контексте истории Древнего Востока со стороны самих музейных работников и фиксирует готовность профессионального сообщества к включению воспроизведений в пространство экспозиции⁷⁴. Это также следует иметь в виду при осмыслении последующей «инфляции» подлинника в советском музейном деле начала 1930-х годов.

С учетом всего вышесказанного представляется, что сюжет данной публикации может быть интересен как для уяснения генезиса и развития концепций Струве, долгое время доминировавших в отечественной науке о Древнем Востоке, так и для лучшего понимания процесса производства исторического знания, включающего в данном случае постоянные «переговоры» риторики артефактов и дискурсивности письма, академической и музейной науки.

В.В. СТРУВЕ

«МУЗЕЙ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ»

Стенограмма устного выступления

Л. 37 об. В.В. Струве указывает на то, что богатейший материал для работы социологов дают раскопки древне-восточных городов (Телль Амарна, Вавилон, Асур, Телло, Иеракополис и др.). Раскоп древнего города дает полную картину жизни города — его архитектурный облик, строительство дворцов и рабочих кварталов, утварь богача и бедняка, солдатская казарма и проч. Л. 38. Древний город встает перед нами в своем подлинном облике без напластований современных, что мы имеем в большинстве древних городах (так! — *Авт.*) Европы.

Богатейший социологический материал дают эпиграфические памятники.

По судебникам (суд<ебник> Хаммурапи) мы часто имеем возможность ознакомиться со всем общественным укладом, со всеми классовыми группировками общества. Не меньшее значение имеют государственные акты, воспроизводящие нередко весь экономический уклад общества, рисуя рабочий вопрос в Древнем Востоке. Особенно ценным материалом для социологов являются частные документы (винописные⁷⁵ таблички, папирусы и проч.). Частные документы рисуют нам бытовой уклад, семейные отношения, идеологию различных классов Древнего Востока. Весь этот документальный материал должен быть представлен в музее Древнего Востока. Он-то и создал надежную социологическую базу в музейной работе. Весь этот материал тяжел для обозрения; его следует упростить, популяризовать. Необходимы переводы наиболее интересных мест, необходимы расшифровки и краткие сведения о социальной структуре общества народов дальнего (так! — *Авт.*) Востока. Необходимы также диаграммы и таблицы, рисуящие основы общественного строя Древнего Востока. Особо убедительным и легко обозримым материалом является надгробная плита. Египетские надгробные плиты воспроизводят все стороны общественной жизни. Надгробная плита может иллюстрировать денежные ресурсы и вкус бедняка и богача. Их нетрудно разбить на группы по классовому признаку. Коллекции по Древнему Востоку собирались случайно и непланомерно. Для создания целостности картины необходимо пополнение слепками. Особое внимание в коллекциях Древнего Востока следует уделять путеводителю. Путеводитель должен раскрывать социальный смысл имеющихся в музее

⁷⁴ Как убедительно показал А.О. Большаков, уже на египетской экспозиции Эрмитажа 1921–1922 г. вспомогательные материалы использовались весьма активно (Bolshakov 2015).

⁷⁵ Так в тексте, правильно — «клинописные».

памятников и нарисовать тот тон, на котором весь выставленный материал может уложиться в целую картину.

В заключении В.В. Струве зачитывает выдержки из ряда папирусов, ярко рисующих социальную революцию, имевшую место в Египте между Средним и Новым царством (так! — *Авт.*), перед завоеваниями.

По поводу доклада берет слово Ф.И. Шмит.

Ф.И. Шмит указывает, что В.В. Струве поднял острый в наше время вопрос о допустимости копий в музее оригиналов. Музейные работники крайне не любят копии. Это не мешает им часто принимать копии за оригиналы, но тем не менее предубеждение против копий имеет место. Музей, рассчитанный на широкие круги посетителей, конечно, может ввести копии, но копии безукоризненно сделанные.

Л. 38 об. Что касается предложения В.В. Струве ввести в музей стелы, таблетки и проч., то весь этот материал, помимо того, что загрузит музей, замучает бедного экскурсанта. Клинописная таблетка, как образец письма, допустима в музее, но груды клинописных музеев (так! — *Авт.*) пригодятся только для специалистов. Всякий памятник искусства мы должны рассматривать в среде, его родившей, поэтому диаграмма убьет наглядность памятника. Диаграмма будет очень полезна в музее слепков, но вредна в музее оригиналов. Изыскания В.В. Струве о социальной революции будут очень удобны и ценны в книге, но в музее их никто читать не будет, в музее им нет места.

О.Ф. Вальдгауер полагает, что собрание оригиналов по Древнему Востоку должно работать в тесном сотрудничестве с музеем слепков. Сейчас Запад встает на ту точку зрения, что подлинный материал музея может быть пополнен копиями. Берлинский музей, Британский музей, Мюнхенский музей уже становятся на эту дорожку. Только при наличии моделей и слепков можно дать представление о значении скульптуры и архитектуры в жизни общества Древнего Востока. Экскурсионная практика показывает, что интерес к оригиналу и хорошей копии почти равноценен. В целях углубления экскурсионной работы копия в музее необходима.

В.В. Струве в заключительном слове указывает, что Ф.И. Шмит прав в своей критике. Перегрузка эпиграфическим материалом в музее — вредна. Но следует отметить, все же, что надпись в Древнем Востоке играет гораздо большее значение, чем в Европе. Поэтому надпись все же должна быть представлена в музее. Важным является увязать надписи с остальным материалом. Для этого и понадобится введение моделей в музей. Если надпись будет говорить о жизни ремесленников и о жизни фараонов, то модель должна демонстрировать здания средних классов и дворец фараонов.

Такая постановка дела позволит ввести социологический момент в музей Древнего Востока.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 28. Л. 37 об. — 38 об.

Литература / References

- Ananiev, V.G. 2011: [On some projects of application of the sociological approaches to the museums of Soviet Russia during the 1920s]. *Vestnik RGGU. Seriya «Kul'turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya» [RSUH/RGGU Bulletin. "Culturology. Art History. Museology" Series]* 17 (79), 275–283.
- Ананьев, В.Г. О некоторых проектах применения социологического подхода в музейном деле советской России 1920-х гг. *Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»* 17 (79), 275–283.
- Ananiev, V.G. 2012: [A study of museum audience in the 1920s: archival sources]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 41, 367–373.
- Ананьев, В.Г. Изучение музейной аудитории в 1920-е годы (по архивным материалам). *Диалог со временем* 41, 367–373.
- Bakushinskiy, A.V. 1981: [Historical excursions as a method to advance and repeat learning material]. In: A.V. Bakushinskiy. *Issledovaniya i stat'i [Essays and Articles]*. Moscow, 91–98.
- Бакушинский, А.В. Исторические экскурсии как способ углубления и повторения учебного курса. В сб.: А.В. Бакушинский. *Исследования и статьи*. М., 91–98.
- Bazant, J. 1993: The case of the talkative connoisseur. *Eirene* 29, 84–107.
- Bolshakov, A.O. 2015: [Egyptian exhibitions of the State Hermitage Museum]. *Soobshheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage Museum]* LXXIII, 160–185.

- Большаков, А.О. Египетские экспозиции в Эрмитаже. *Сообщения Государственного Эрмитажа* LXXIII, 160–185.
- Ilyin-Tomich, A.A. 2016: [Social upheaval in Egypt in works of V.V. Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitry Pozharsky University] 2 (4), 35–47
- Ильин-Томич, А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 35–47.
- Ismagulova, T.D. 2003: [Why exactly “in the Hermitage the hands of Pavlovsk statue were broken off”? (Count Valentin Zubov and the Palace Ensemble of Pavlovsk in the 1920s)]. In: N.S. Tret'yakova (ed.), *Pavlovskie chteniya. Materialy V i VI nauchnykh konferencij* [Pavlovskie Readings: Proceedings of the 5th and 6th Academic Conferences]. Saint Petersburg, 134–145.
- Исмагулова, Т.Д. Почему же все-таки «в Эрмитаже Павловской статуе обломали руки»? (Граф Валентин Платонович Зубов и дворцово-парковый ансамбль Павловска в 1920-е гг.). В сб.: Н.С. Третьякова (ред.), *Павловские чтения. Материалы V и VI научных конференций*. СПб., 134–145.
- Kachalina, G.I., Marishkina, V.F., Yakovleva, E.M. (eds.) 2004: *Sotrudniki Imperatorskogo Ermitazha. 1852–1917. Biobibliograficheskiy spravochnik* [Fellows of The Emperor's Hermitage. 1852–1917. Handbook of Bibliography]. Saint Petersburg.
- Качалина, Г.И., Маришкина, В.Ф., Яковлева, Е.М. (авт.-сост.). *Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник*. СПб.
- Kratiy otchet 2012: [Summary report of the Russian Institute of Art History]. In: A.F. Nekrylova (ed.), *Zadachi i metody izucheniya iskusstva* (Biblioteka klassicheskikh trudov RIII [Problems and Methods in the Study of Art (Library of Classical Works of the Russian Institute of Art History)]. Saint Petersburg, 187–247.
- Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств. В сб.: А.Ф. Некрылова (ред.), *Задачи и методы изучения искусств* (Библиотека классических трудов РИИИ). СПб., 187–247.
- Krikh, S.B. 2012: [Theoretical argumentation of the conception of slave societies in the Ancient East by V.V. Struve]. In: A.V. Sveshnikov, S.V. Fomenko, L.R. Rotermeľ' (eds.), *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'*. Materialy XII mezhdvuzovskoy regional'noy nauchnoy konferentsii [Social Institutes in History: Retrospection and Reality. Proceedings of the 12th Interacademic Regional Conference] Omsk, 153–171.
- Крих, С.Б. Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке. В сб.: А.В. Свешников, С.В. Фоменко, Л.Р. Ротермель (ред.), *Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Материалы XII межвузовской региональной научной конференции*. Омск, 153–171.
- Krikh, S.B. 2016: [I.M. Diakonoff vs V.V. Struve: polemics in the fields of Sumer]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 76/4, 1011–1029.
- Крих, С.Б. И.М. Дьяконов против В.В. Струве: полемика на полях Шумера. *ВДИ* 76/4, 1011–1029.
- Krikh, S.B. 2017: [Autohistoriography of the soviet scholar: V.V. Struve's letter to the Editor of VDI]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/3, 778–795.
- Крих, С.Б. Автоисториография советского ученого: письмо В.В. Струве в редакцию ВДИ. *ВДИ* 77/3, 778–795.
- Krikh, S.B. 2018a: [Academician Nikolai M. Nikolskii and the struggle for understanding of the social structure of the ancient Near Eastern societies]. *Vostok (Oriens)* [East (Oriens)] 1, 13–22.
- Крих, С.Б. 2018a: История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ. *Восток (Oriens)* 1, 13–22.
- Krikh, S.B. 2018b: [Fight for the past: V.I. Avdiev, N.M. Nikolskiy i V.V. Struve on their role in early soviet historiography]. *Scripta antiqua. Vorposy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury* [Scripta Antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 7, 420–432.
- Крих, С.Б. Борьба за прошлое: В.И. Авдиев, Н.М. Никольский и В.В. Струве о своей роли в ранней советской историографии. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 7, 420–432.
- Kumpan, K.A. 2009: [Towards the history of creation of Sotskom in the Institute of Art History (Once again on Zhirmunsky and the formalists)]. In: Vs. Bagno, J. Malmstad, M. Malikova (eds.), *Na rubezhe dvukh stoletiy: Sbornik v chest' 60-letiya Aleksandra Vasil'evicha Lavrova* [On the Threshold of Two Centuries: Papers on the Occasion of the 60th Anniversary of Alexander Vasilyevich Lavrov]. Moscow, 345–360.

- Кумпан, К.А. К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах). В сб.: Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова (сост.), *На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова*. М., 345–360.
- Kumpan, K.A. 2014: [Institute of Art History on the threshold of 1920–1930]. In: *Konets institutsiy kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade. Po arkhivnym materialam [The End of the Institutions of Culture of the 1920s in Leningrad]*. Moscow, 8–128.
- Кумпан, К.А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х гг. В сб.: *Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам*. М., 8–128.
- Marchand, S. 2009: *German Orientalism in the Age of Empire: Race, Religion, and Scholarship*. Cambridge.
- Mavleev, E.V. 2005: *Val'dgauer [Waldhauer]*. Saint Petersburg.
- Мавлеев, Е.В. *Вальдгауер*. СПб.
- Piotrovskiy, M.V. (ed.). 2001: *Zhurnaly zasedaniy Soveta Ermitazha. Ch. I. 1917–1919 gody [Journals of Sessions of The Hermitage Council]*. Saint Petersburg.
- Пиотровский, М.В. (ред.). *Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. I. 1917–1919 годы*. СПб.
- Serpan, I.V. (ed.) 2003: *Rossiyskiy institut istorii iskusstv v temuarakh [Russian Institute of Art History in Memoirs]*. Saint Petersburg.
- Сэпман, И.В. (ред.), *Российский институт истории искусств в мемуарах*. СПб.
- Struve, V.V. 1919: *Zaupokoynuyu kul't Drevnego Egipta. Putevoditel' po vystavke v zalakh Ermitazha [Posthumous Cult in Ancient Egypt. Guide to the Exposition in the Halls of The Hermitage]*. Petersburg.
- Струве, В.В. *Заупокойный культ Древнего Египта. Путеводитель по выставке в залах Эрмитажа*. Пб.
- Struve, V.V. 1926: [Social problem in the posthumous cult in Ancient Egypt]. In: *Religiya i obshchestvo. Sbornik statey po izucheniyu sotsial'nykh osnov religioznykh yavleniy drevnego mira [Religion and Society. Papers on the Study of Social Foundations of Religious Phenomena of Ancient World]*. Leningrad, 5–28.
- Струве, В.В. Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта. В сб.: *Религия и общество. Сборник статей по изучению социальных основ религиозных явлений древнего мира*. Л., 5–28.
- Struve, V.V. 1934: [The problem of the genesis, development and disintegration of the slave-societies in the Ancient Orient (communication and conclusive remark)]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture]* 77, 32–111, 157–181.
- Струве, В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока (доклад и заключительное слово). *Известия Государственной академии истории материальной культуры* 77, 32–111, 157–181.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka [The History of Ancient East]*. Leningrad.
- Струве, В.В. История древнего Востока. Л.
- Struve, V.V. 1947: [Soviet Oriental studies and the problem of social formation in the Ancient East]. *Vestnik LGU [Journal of The Leningrad State University]* 11, 233–242.
- Струве, В.В. Советское востоковедение и проблема общественного строя древнего Востока. *Вестник ЛГУ* 11, 233–242.
- Tunkina, I.V., Frolov, E.D. 1993: [Zhebelev's historiographic studies. Three unpublished S.A. Zhebelev's Memoirs]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 180–202.
- Тункина, И.В., Фролов, Э.Д. Историкографические этюды С.А. Жебелёва: Три неизданных мемуара С.А. Жебелёва. *ВДИ* 3, 180–202.
- Vassoevich, A.L. 1998: *Duhovnyy mir narodov klassicheskogo Vostoka (istoriko-psihologicheskij metod v istoriko-filosofskom issledovanii) [Spiritual World of the Peoples of the Classical Orient (Historical-Psychological Method in Historical-Philosophical Study)]*. Saint Petersburg.
- Вассоевич, А.Л. *Духовный мир народов классического Востока (историко-психологический метод в историко-философском исследовании)*. СПб.
- Washburn, W.E. 1967: Grandmotherology and museology. *Curator. The Museum Journal* 10. 1, 43–48.
- Zakharov, A.O. 2008: [“Ancient Orient” in the theories of B.A. Turaev and V.V. Struve: theoretical analysis]. *Vostok (Oriens) [East (Oriens)]* 1, 11–24.
- Захаров, А.О. “Древний Восток” в построениях Б.А. Тураева и В.В. Струве: теоретический анализ. *Восток (Oriens)* 1, 11–24.
- Zubov, V.P. 2004: *Stradnye gody Rossii: Vospominaniya o revolyutsii (1917–1925) [Sorrowful Years of Russia: Memories of Revolution (1917–1925)]*. Moscow.
- Зубов, В.П. *Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925)*. М.